

Модальные частицы как один из способов реализации прагматического уровня языковой личности

© кандидат филологических наук *И. В. Ружицкий, 2001*

Воспринимая чужую речь, мы, как правило, стремимся понять не только то, что означают слова, но и то, что пишущий или говорящий хотел нам сообщить. Изучение намерений говорящего или пишущего является предметом прагматики, науки, изучающей язык в его отношении к тем, кто его использует [Stalmer 1972: 419]. Если мы видим в газете фразу FALL BABY SALE, то, конечно, не воспринимаем её как призыв покупать детей. Для нас абсолютно ясно, что речь идёт о детской одежде, хотя само слово «одежда» в этом тексте рекламы не используется. Возможность понимания здесь обеспечивает не языковой, а «физический» контекст, т. е. разного вида условия, в которых данный текст был произведён, а именно: время и место, где мы находимся в момент восприятия, а также намерения говорящего или пишущего, его мнение, ожидание, интересы и т. п. О влиянии «физического» контекста на взаимопонимание М. М. Бахтин писал ещё в 1926 году, приводя следующую пример: «Двое сидят в комнате. Молчат. Один говорит: «Так». Другой ничего не отвечает. Для нас, не находившихся в комнате в момент беседы, весь этот «разговор» совершенно непонятен <...> Но тем не менее эта своеобразная беседа двоих, состоящая из одного только, правда, выразительно проинтонированного слова, полна смысла <...>. Сколько бы мы ни возились с чисто словесной частью высказывания, как бы тонко мы ни определили фонетический, морфологический, семантический момент слова “так”, — мы ни на один шаг не приблизимся к пониманию целостного смысла беседы. Чего же нам не хватает? — Того «внесловесного» контекста», в котором осмысленно звучит слово «так» для слушателя. Этот внесловесный контекст высказывания складывается из трёх моментов: 1) из общего для говорящих пространственного кругозора (единство видимого — комната, окно и проч.); 2) из общего же для обоих знания и понимания положения, наконец, 3) из общей для них оценки этого положения» [Волошинов 1926: 249-250]. Только зная этот внесловесный контекст, мы можем понять смысл высказывания «так» и его интонацию. То, что говорящий (пишущий) предполагает как истинное или как известное для слушателя (читателя), называется пресуппозицией. Так, если кто-то говорит: «Ваш друг ждёт вас на улице», то очевидна пресуппозиция, что у вас есть друг и что вы знаете, какую улицу имеет в виду говорящий». Если у вас спрашивают: «Почему вы опоздали?», то пресуппозицией является сам факт вашего опоздания.

Любой участник речевого контекста может быть субъектом пресуппозиции, определяющейся в результате рефлексии над утверждениями, которые он делает, вопросов, которые он задаёт, и т. п. Решающую роль в понимании (взаимопонимании) играет наличие общего набора пресуппозиций у говорящего и слушающего, пишущего и читателя, а также способность человека к рефлексии, т. е. соотнесения нового предмета с уже известной моделью этого предмета, опознания настоящего с позиций сведений, накопленных в прошлом. Рефлексия в нашем понимании – это обращение к себе, к своему опыту, к своим знаниям, это диалог с самим собой, содержание которого сводится примерно к следующему: «Я знаю что-то, но что я знаю?». Если говорить о читателе, воспринимающем письменный текст, то он тоже постоянно в ходе чтения анализирует этот текст, особым образом воспринимает порождённые этим текстом образы, даёт им оценку, делает прогнозы их дальнейших действий. Такие действия читателя также всегда так или иначе, но основаны на рефлексии, которая, в конечном счёте, и ведёт к пониманию.

В соответствии с концепцией Ю. Н. Караулова [Караулов 1987: 38-87, 211] языковая личность представляет собой иерархическую структуру, нулевой уровень которой характеризуется лексико-грамматической системой языка, первый уровень – когнитивный, это уровень картины мира, а второй уровень – мотивационный, уровень прагматики. Нас в данном случае интересует мотивационный уровень языковой личности. Его основные единицы – это представления о цели и смысле жизни, идеи и мотивы, прецедентные тексты (т. е. значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении тексты, имеющие надличностный характер, известные широкому окружению данной личности, обращение к которым неоднократно возобновляется), композиция текста, мена точек зрения в развёртывании повествования, разговорные интонации изложения, немотивированность переходов от внутренней речи персонажей к внешней и затем к авторскому тексту, приёмы аргументации в дискурсе персонажей, формы ритуального обращения, языковые игры и т. д. Нам представляется, что все вышеупомянутые единицы прагматикона связаны с рефлексией и пресуппозицией. Так, восприятие какой-либо части текста всегда основано на рефлексии над предыдущими частями. Сама же композиция связана со временем и местом действия, т. е. с пресуппозицией. Понимание разговорных интонаций изложения также возможно только в результате рефлексии над нормативным стилем. Рефлексией является и внутренняя речь персонажей, внутренний диалог. Приёмы аргументации также связаны с рефлексией и пресуппозицией, так как сама ситуация спора всегда основана как на обращении к собеседнику, так и на обращении к самому

себе. Что касается форм ритуального общения, то их понимание без знания пресуппозиции также невозможно.

Мотивационный уровень языковой личности является не только определяющим, но и наиболее трудным для исследования, поскольку все его единицы основаны на эмоциях, языковое выражение которых изучено недостаточно. Одним из способов языкового выражения мотивационного уровня языковой личности мы считаем модальные частицы русской речи.

Во время одной научно-методической конференции между участником конференции и горничной в гостинице состоялся следующий диалог: — *О чём конференция-то?* — *Да вот, думаем, как надо учить русскому языку.* — *А-а, училки, значит.* Как мы видим, это совершенно обычный диалог. С аналогичными мы встречаемся ежедневно. Сравним этот диалог с другим, гипотетическим, который, казалось бы, по своему содержанию абсолютно идентичен первому и который также мог бы иметь место: — *Скажите, чему посвящена конференция?* — *Эта конференция на тему «Эстетическая природа художественного текста».* — *А, понятно.* В чём различия между этими диалогами? Прежде всего в том, что в первом мы действительно видим понимание собеседниками друг друга, а во втором, несмотря на «понятно», мы имеем дело с псевдопониманием, после которого дальнейшее общение вряд ли возможно. Точно такое же, дефектное, понимание произойдёт и в том случае, если первый диалог будет воспринимать иностранец, даже вполне прилично владеющий русским языком. Непонятым останется очень многое, которое, возможно, не менее важно, чем понятное. Иностранец при восприятии этого диалога просто пропускает частицы, не понимая значение этих «маленьких слов», как сами иностранные учащиеся часто их называют. Что означает частица **-то** в вопросе «О чём конференция-то?», и, вообще, можно ли в данном случае говорить о значении? Чем отличается этот вопрос от такого же, но без частицы? На этот вопрос вряд ли смогут ответить даже многие носители русского языка. Конечно, пресуппозиция «общие знания о конференции» играет в данном случае ключевую роль для понимания и вообще для того, чтобы состоялась коммуникация. Однако пресуппозиция не ограничивается только этими знаниями. У горничной есть информация, что в этом номере живёт участник конференции. Возможна также рефлексия собеседника горничной: «Гостиница новая, участники научной конференции, по всей видимости, живут здесь впервые, а значит, и работники гостиницы впервые с ними встречаются. Отсюда и их интерес». Участник конференции может также предположить, что интерес горничной вызван тем, что конференция международная, поэтому работники гостиницы получили дополнительную работу. Отсюда и повышенный интерес к тому, с чего

бы это такой переполох. Можно предположить, что использование частицы **-то** в вопросе как раз и вызвано этими мотивами, которые, если мы ходим объяснить значение **-то**, также следует прокомментировать: 1. Почему в гостинице такой переполох? Почему дают дополнительную работу? 2. Желание просто пообщаться с человеком, который отчасти причастен к этому переполоху. Наличие данных мотивов как раз и выражается использованием частицы **-то**, а то, что ответ на этот вопрос также начинается с частицы (**да вот**), означает прежде всего желание говорящего общаться на том же языке, поддержать общение, сделать свой ответ действительно понятным. Совершенно абсурдно прозвучала бы фраза «Да вот, конференция на тему “Эстетическая природа художественного текста”». Здесь рефлексия уже вполне осознанная, так как отвечающий на вопрос понимает мотивы, вызвавшие его, ищет доступную форму ответа и находит ее, что подтверждает ответная реплика «А-а, училки, значит». Если бы в ответной реплике прозвучало традиционное «понятно», то, скорее всего, в данной ситуации мы имели бы дело с псевдопониманием.

Выше мы высказали предположение, что все единицы мотивационного уровня языковой личности так или иначе связаны с пресуппозицией и рефлексией, а одним из способов языкового выражения мотивационного уровня являются модальные частицы, значение которых мы и предлагаем описывать через рефлексии и пресуппозицию. В результате описание модальной частицы **же** в нижеприведённом предложении может выглядеть примерно следующим образом: *Ты же знаешь об общности этого знания (пресуппозиция)*. Частица **ведь**, например, в предложениях: *На самом деле ведь понятно, что вопрос стоит о контроле. Западные политики ведь зависят от общественного мнения. = Я знаю, что ты об этом знаешь (рефлексия) + другие тоже знают об этом (пресуппозиция, общность знания).*

Анализ функционирования модальных частиц в повести Л. Н. Толстого “Хаджи-Мурат” подтвердил изначальное предположение о том, что частицы используются в основном в речи носителей русского языка, причём не аристократов, которые часто в ходе диалога переключаются с русского языка на французский. Вспомним, что в России XIX века в среде аристократов существовало своеобразное русско-французское двуязычие. Интересны те случаи, где использование той или иной частицы как бы само по себе напрашивается в том или ином высказывании: — *Ну простите его! — улыбаясь сказала Марья Васильевна. — Видите, я вам говорила.* (Звучало бы естественнее *Я же вам говорила*) — *Да вы совсем не то говорили (Да вы ведь совсем не то говорили).* Хотя следует отметить, что в первом предложении используется части-

ца ну. Среди персонажей-чеченцев – единичные случаи употребления модальных частиц в речи (*Ламорет – горец <...> В горах-то и живут люди. Что же предложила?*). Можно предположить, что автор повести постоянно бессознательно “перенастраивался” на языковую личность того или иного персонажа. Точно так же актёр, получивший роль иностранца, первоначально чувствует себя на сцене очень скованно, иногда начинает говорить с акцентом (он тоже, как и автор художественного текста, вживается в образ). Что касается модальных частиц, то их отношение к специфически русским явлениям отчасти подтверждается тем, что они представляют большие сложности для изучающих русский язык, а перевод модальных частиц на другие языки чрезвычайно затруднён. Проведённое нами анкетирование, целью которого было выявление значения той или иной модальной частицы, используемой в контексте, взятом из повести “Хаджи-Мурат”, также ничего, кроме очередного доказательства размытости значения данных языковых единиц, не дало. Респондентам предлагалось сравнить предложения с частицей и без неё и определить их различия. Приведём некоторые из ответов.

<i>А ведь и есть – потерял... либо забыл, либо выскочила дорогой.</i>	усиление сожаления, уточнение, выражение обманутой надежды, констатация факта, выражение эмоционального отношения к тому, о чём говорится, подчёркивание уверенности, констатация факта
<i>Чего ищешь-то?</i>	смягчение вопроса, уточнение вопроса, нет никаких различий с предложением без частицы, разница есть, но незначительная, усиление интереса, сочувствие, участие, желание помочь, соучастие
<i>Чубук-то цел?</i>	в вопросе надежда, сдержанность вопроса, сожаление, подчёркнутое отношение к предмету
<i>Эка молодчина Авдеев! Прокурат малый. Ну-ка?</i>	неопределённость, «что ещё скажешь?», больше отеческой любви к собеседнику
<i>А сказывали, ротный-то опять в ящик залез.</i>	усиление утверждения, нет никаких различий с предложением без частицы, безразличие, подчёркивание значения события, усиление значения слова «ротный», фокусирование отрицательного действия одного и того же лица
<i>Я тогда деньги-то пропил, ведь это всё от скуки.</i>	сожаление, уточнение причины, виноватость, «пропил – и ладно», сожаление, но одновременно и оправдание поступка, усиление эмоциональной нагрузки
<i>– Да с чего скукаешь-то? – Я-то? Да по дому скукаю. – Что ж, богато жили?</i>	уточнение, сожаление, разница есть, но незначительная, сильное желание узнать причину, элемент душевности, конкретизация причины

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2001. — Вып. 16. — 116 с. ISBN 5-317-00177-3

<i>Ведь я охотой за брата пошёл.</i>	усиление высказывания, предложение с частицей выражает большую уверенность, подчёркивание значимости, усиление значения слова «я», подчёркивание обстоятельств, побудивших к действию, звучит более убедительно, чем без частицы
<i>Что же, сдали? — спросил Панов. — Сдали.</i>	смягчение вопроса, усиление интереса, досада, надежда, смягчение вопроса, более сильное выражение интереса

Как это нетрудно заметить, разброс ответов настолько высок, что использовать такую методику для выявления значений модальных частиц представляется весьма проблематичным. Таким образом, мы приходим к парадоксальному, на первый взгляд, выводу: значения модальных частиц, являющихся, как мы уже отметили, реализацией прагматического уровня языковой личности, выявляются путём интраспекции, филологической рефлексии над мотивами персонажей (участников дискурса), а также анализа широкого контекста. В результате возможен такой подход к описанию значений частиц: — *А что, Антоныч, бывает тебе скучно? — Какая же скука? — неохотно отвечал Панов* (отрицательный ответ + обращение не только к собеседнику, но и к самому себе, **рефлексия**, воспоминание о том, почему не бывает скучно); *Что ж, сдали?* (пленных чеченцев) (**пресуппозиция**, общее знание ситуации + «смягчение» вопроса, на который в данной ситуации ответа не требуется, однако сама ситуация требует того, чтобы вопрос был задан). Именно частица **же** вносит данный оттенок значения (ср. с вопросом без **же**: *Что, сдали?*).

Рискнём сделать предположение, что модальные частицы являются реализацией одной из национальных составляющих русской языковой личности, а именно: стремлением русского человека к рефлексии, самоанализу (не случайна, по всей видимости, парадигма *ведать / ведь / совесть*) и неосознанным стремлением создать в ходе общения с собеседником некий общий фон, эмоциональные связующие нити, чем и является в данном случае пресуппозиция. Конечно, модальные частицы нельзя в данном случае рассматривать отдельно от интонационного оформления высказывания, а также от функционирования других (дискурсивных) слов.

В заключение отметим, что мы далеки от того, чтобы предложить единую классификацию значений модальных частиц, даже если она теоретически и представляется возможной. В данном случае модальные частицы нас интересуют как один из способов реализации прагматического уровня русской языковой личности, единицы которого связаны с рефлексией и пресуппозицией, а соответственно, и их описание возможно через рефлексивную и пресуппозиционную. Отметим, что такой подход

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2001. — Вып. 16. — 116 с. ISBN 5-317-00177-3

ни в коем случае не противоречит другим подходам, например, А. Н. Васильевой, А. Н. Баранова [Vasilyeva 1972], [Дискурсивные слова... 1998].

Л и т е р а т у р а

1. *Stalmer R. C. Pragmatics // Semantics of natural language. Dordrecht-Holland, 1972. Цит. по: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI.*
2. *Волошинов В. Н. Слово в жизни и слово в поэзии // Звезда, 1926. № 6.*
3. *Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.*
4. *Vasilyeva A. N. Particles in colloquial Russian. M., 1972.*
5. *Дискурсивные слова русского языка / Под редакцией К. Киселёвой и Д. Пайяра. М., 1998.*